

Говард Филлипс Лавкрафт

Дагон

(Dagon)

Я пишу это в состоянии сильнейшего нервного напряжения, ибо знаю, что сегодня вечером меня не станет. Оставшись без гроша, исчерпав почти до конца запас наркотика, я не могу долее переносить муку этой жизни, а поэтому намерен выброситься из чердачного окна на грязную улицу. Не думайте, узнав о моей зависимости от морфия, что я слабовольный или деградировавший человек, — это не так. Когда вы прочтете эти наспех написанные страницы, то сможете догадаться, почему я должен обрести забвение или смерть, хотя вам никогда не понять меня до конца.

Пакетбот, на котором я находился в качестве суперкарго, стал жертвой нападения германского морского охотника в наиболее пустынной части Тихого океана. Мировая война только начиналась и океанские силы гуннов еще не пришли в упадок; наше судно было законным военным трофеем, а к нам, членам его экипажа, относились с предупредительностью, предусмотренной морским кодексом. Более того, режим был настолько либеральным, что через пять дней после нашего пленения я смог бежать в маленькой шлюпке с достаточным запасом провизии и воды.

Оказавшись на свободе посреди океанских просторов, я имел весьма смутное представление о своем местонахождении. Не будучи опытным навигатором, я смог по солнцу и звездам определить лишь то, что нахожусь к югу от экватора. О географической долготе я не имел никакого понятия, острова или береговой линии нигде видно не было. Погода оставалась ясной, дни шли за днями, а я продолжал бесцельно плыть под ярким солнцем, ожидая встретить какой-нибудь корабль или высадиться на какой-нибудь обитаемый берег. Но ни то, ни другое мне не попадалось, так что я уже начал впадать в отчаяние от своего одиночества посреди безбрежной синевы.

Когда случилась внезапная перемена, я спал. Деталей случившегося мне не суждено было узнать, ибо сон мой, хотя беспокойный и полный сновидений, был долгим. Проснувшись, я обнаружил, что наполовину погружен в липкую адскую трясиину черного цвета, раскинувшуюся, насколько мог охватить мой взгляд, вокруг в волнообразной монотонности. Моя лодка лежала неподалеку.

Вы вправе подумать, что первой моей реакцией на столь кардинальное и неожиданное изменение обстановки было изумление, но должен признаться, что я скорее был испуган, чем удивлен; ибо в воздухе и в этой гнилостной почве присутствовало нечто столь зловещее, что страх пронизал все мое существо. Вся местность была покрыта гниющими тушками дохлых рыб и еще какими-то неопишуемыми останками, высывающимися тут и там из липкой грязи. Впрочем,

нечего и пытаться обычными словами передать тот невыразимый ужас, что возникает у вас в абсолютной тишине и беспредельной пустоте. Не было никаких звуков, а в поле зрения оставалась лишь безграничная черная липкая слизь.

Солнце нещадно светило с неба, которое казалось мне почти черным, хотя на нем не было ни единого облачка; в небе как будто отражалось чернильное болото, лежавшее у меня под ногами. Пока я заползал в лодку, выброшенную на берег, мне пришло в голову единственное возможное объяснение случившегося. Вследствие небывалого вулканического извержения часть океанского дна поднялась на поверхность, обнажив то, что несчетные миллионы лет было спрятано под неизмеримыми толщами воды. Протяженность этой новой земли под моими ногами была столь велика, что, даже напрягая слух, я не мог уловить ни малейшего звука, похожего на шум океана. Не было видно также ни одной морской птицы над валявшейся вокруг падалью.

Несколько часов я просидел в лодке, предаваясь мрачным размышлениям. Моя посуда давала возможность укрыться от безжалостных солнечных лучей. Постепенно под влиянием сухой жаркой погоды почва теряла свою липкость, так что скоро можно было бы совершить небольшую пешую прогулку и осмотреть окрестности. Ночью я спал мало, а на следующий день приготовил запас пищи и воды для путешествия в поисках исчезнувшего океана и путей к своему спасению.

Утром третьего дня я счел почву достаточно сухой, чтобы можно было легко по ней передвигаться. Вонь от дохлой рыбы была невыносимая; однако меня занимали куда более важные проблемы, чтобы обращать внимание на такие мелочи, а поэтому я смело двинулся вперед навстречу неизвестной цели. Весь день я упорно шел в западном направлении, ориентируясь на далекий холм, представлявший собой самое большое возвышение в раскинувшейся вокруг пустыне. Ночь я провел под открытым небом, а на следующее утро продолжил свой путь к холму, расположенному дальше, чем представлялось сначала. К вечеру четвертого дня я достиг подножия холма, оказавшегося к тому же куда выше, чем показалось мне издали; предварявшая холм долина подчеркивала его выпадение из окружающего пейзажа. Слишком уставший, я решил перенести начало восхождения на утро и заночевал в тени холма. Не знаю, почему этой ночью мне снились кошмары; однако не успела еще над равниной взойти ущербная и причудливо выгнутая луна, как я проснулся весь в холодном поту с твердым намерением больше не засыпать. Видения, представшие мне во время сна, были слишком страшны, чтобы пережить их еще раз. В лунном сиянии я увидел, насколько неразумным было мое решение совершать пешие переходы днем. В отсутствие палящего солнца путешествие стоило бы мне куда меньших затрат; сейчас я готов был начать восхождение, которого столь страшился на закате. Прихватив свою поклажу, я отправился на гребень холма.

Я уже упомянул, что нерушимая монотонность окружавшей меня равнины была источником потаенного страха; думаю, однако, что страх этот усилился, когда я добрался до вершины холма и заглянул в находившуюся с противоположной стороны пропасть, глубокий каньон, черные уступы которого луна пока еще не могла осветить полностью. Всматриваясь в бездонную пучину вечной ночи, я подумал, что нахожусь на краю света. Сквозь охвативший меня ужас пробилось воспоминание о «Потерянном рае» и о том, как Сатана совершал свой страшный путь в глубины ада.

По мере того, как луна поднималась выше, я начинал различать, что края ущелья вовсе не перпендикулярны поверхности земли, как мне показалось сначала. Уступы и обнажения камней образовывали удобную лестницу для спуска, а через несколько сотен метров уклон становился менее крутым. Повинуясь импульсу, который я не смог бы себе объяснить, я с трудом спустился по камням и остановился возле более пологого откоса, заглядывая в адские глубины, куда не проникал свет.

Внезапно мое внимание привлек гигантский объект на противоположном склоне, отсвечивавший белизной в лунных лучах. Я уверял себя, что это всего лишь огромный камень, но вместе с тем отчетливо видел, что его контуры и местоположение не были причудой природы. Более пристальный осмотр вызвал у меня чувство, которое я не в силах передать словами; ибо, несмотря на гигантские размеры камня, в этой бездне, разверзшейся на дне моря, несомненно, еще в младенческие дни нашего мира, я понял, что передо мной — правильной формы монолит, массивное тело которого не только обработано разумными существами, но и, по всей видимости, служило объектом поклонения.

Изумленный и напуганный, в то же время охваченный каким-то археологическим азартом, я более внимательно посмотрел вокруг. Луна, теперь уже почти о зените, ярко и жутко освещала взметнувшиеся вверх каменные кручи, охватывавшие ущелье, и обнажала внизу полосу воды, извилисто удалявшуюся вправо и влево от меня и почти доходившую до моих ног. По ту сторону ущелья небольшие волны омывали подножие циклопического монолита, на поверхности которого теперь можно было разглядеть надписи и высеченные фигуры. Надписи были исполнены неизвестными мне иероглифами, не похожими ни на какие из виденных мною в книгах; по большей части это были различные символы, изображающие обитателей моря, — рыб, угрей, осьминогов, ракообразных, моллюсков, китов и т. п. Некоторые иероглифы изображали морских тварей, уже вымерших, чьи разлагающиеся останки я видел на равнине, поднявшейся с океанского дна. Более всего, однако, изумила меня искусная резьба. Ясно различимы были, несмотря на разделяющую полосу воды, гигантские барельефы, сюжеты которых могли бы вызвать зависть у Гюстава Доре. Я пришел к выводу, что эти барельефы изображали людей — по крайней мере, человекоподобных, хотя они и были показаны плавающими, как рыбы, в подводном гроте и поклоняющимися какой-то высеченной из монолитного камня гробнице, тоже расположенной в морской глубине. Я не в состоянии детально описать форму и внешность этих существ, ибо даже воспоминание о них приводит меня в полуобморочное состояние. Превосходившие по своим гротескным очертаниям плоды воображения По или Бульвера, они тем не менее обликом напоминали людей, несмотря на перепончатые руки и ноги, уродливо широкие дряблые губы, вытаращенные глаза и прочие черты, вспоминать которые совсем уж противно. Любопытно, что своими размерами они совершенно не соответствовали окружавшей их обстановке; например, одно из этих созданий было изображено в момент смертельной схватки с китом, который выглядел лишь чуть-чуть больше, чем оно. Отметив гротескность их внешности и невероятные размеры, я в тот момент решил, что передо мной — изображения фантастических богов, которым поклонялись какие-нибудь примитивные племена моряков или рыболовов, вымершие задолго до появления первых предков пилтдаунского или неандертальского человека.

Охваченный благоговейным страхом перед открывшейся мне на миг картиной древности, предположить которую не решился бы самый смелый антрополог, я стоял в оцепенении, глядя, как луна бросает странные отблески на тихий канал, лежавший передо мной.

И тут внезапно я увидел это. Поверхность едва шевельнулась, когда это существо показалось над темными водами. Огромный, похожий на Полифема, чудовищный монстр из ночных кошмаров рванулся к монолиту, простер к нему свои гигантские чешуйчатые руки, склонил страшную голову и стал издавать какие-о звуки, неторопливые и размеренные. Думаю, что именно в этот момент я потерял рассудок.

Плохо помню, как я лихорадочно взбирался вверх по скале и, словно в бреду, шел назад к своей лодке. По-моему, я все время что-то пел, а когда не мог петь, то смеялся. Смутно припоминаю, что, как только я вернулся к своей посудине, разразился сильнейший шторм, во всяком случае, я слышал раскаты грома и тому подобные звуки, которые Природа издает лишь в моменты величайшего гнева.

Очнулся я в госпитале в Сан-Франциско, куда меня доставил капитан американского судна, подобравшего мою лодку посреди океана. В бреду я о многом рассказал, но слова мои, повидимому, не привлекли достаточного внимания. Ни о каком вулканическом сдвиге в Тихом океане никто из моих спасителей не знал; да я и не считал необходимым настаивать на том, во что все равно никто бы не поверил. Встретившись с одним известным этнографом, я удивил его своими необычайно настойчивыми расспросами относительно древней филистимлянской легенды о Дэгоне или Боге-Рыбе; но вскоре прекратил свои попытки, поняв, что этот ученый безнадежно консервативен.

По ночам же, особенно когда луна была на ущербе, я видел то существо. Я пробовал спастись от него морфием, но наркотик давал мне лишь временное избавление, а постепенно прочно взял меня в свои цепкие лапы, сделав своим безропотным рабом. Теперь я намерен положить всему этому конец, поскольку описал все случившееся, чтобы предупредить людей или же... позабавить их, если они не отнесутся к этому всерьез. Я часто задаюсь вопросом — не было ли все происшедшее чистой галлюцинацией, горячечным бредом, охватившим меня, пока я лежал в лодке, плывущей в океане, под палящими лучами солнца. Много раз я задумывался об этом, и всегда передо мной возникал яркий зрительный образ. Я не мог вспоминать о море без дрожи, представляя себе безымянных существ, которые сейчас ползают и барахтаются в его илистом, вязком дне, поклоняются древним каменным идолам и вырезают собственные мерзкие подобию на подводных обелисках из гранита. Мне снится тот день, когда они восстанут из пучины моря, чтобы затащить туда своими отвратительными когтями остатки хилого, измученного войной человечества, — тот день, когда земля начнет тонуть, а темное зловонное дно океана поднимется, чтобы воцариться среди крошечного вселенского ада.

Мой конец близок. Я слышу шум за дверью, как будто гигантская скользкая туша колотится в нее. Нет, оно не должно меня найти здесь. Боже, эта рука. К окну! К окну!

Перевод Павел Лебедев, 1993 год